

Мухаметзарипов Ильшат

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ШАРИАТА В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ ЖИЗНИ ТАТАР-МУСУЛЬМАН

Как известно, мусульмане в повседневной жизни руководствуются шариатом – совокупностью норм, базирующихся на Коране и Сунне. В число мусульманских народов России входили и татары, культура и семейно-бытовая жизнь которых во многом была определена исламом. Между тем до начала последней четверти XVIII в. российские власти не уделяли внимания правовому регулированию семейно-бытовых отношений нехристианских народов империи. Поэтому можно предположить, что у татар-мусульман отношения в сфере семьи и наследования строились на нормах, унаследованных от предков (обычном праве).

Подобное «полулегальное» положение шариата имело место до Манифеста от 17 марта 1775 г., который отменил все установленные ранее ограничения брака для людей «всякого рода и поколения» [ПСЗ-1, № 14275]. Впоследствии данное положение было закреплено в Своде законов гражданских, в котором указывалось, что «каждому племени и народу... дозволяется вступать в брак по правилам их закона» [Свод законов гражданских, 1900, ст. 90]. Закрепление подобной «отсылочной» нормы вело к возможности применения обширной совокупности мусульманских брачно-семейных норм на территории России.

Вместе с тем, российское государство внесло некоторые особенности. Браки и разводы мусульман подлежали обязательной письменной регистрации. Только брачный договор мусульман, составленный духовенством по правилам шариата в присутствии свидетелей и внесенный в метрические книги, признавался действительным [Решения Гражданского кассационного департамента, 1905, с. 40, 41]. Признавался законным лишь брак, отраженный в метрических книгах [Свод законов гражданских, 1900]. Метрические книги являлись особым документом не только в семейных, но и в имущественных отношениях мусульман, порядок ведения которых устанавливался «Законами о состояниях» [Законы о браке и разводе, 1899, с. 110, 111].

Брачный возраст, установленный исламом, в России претерпел значительные изменения. Если шариат допускает брак с 15 лет для мужчин и с 9 лет – для женщин [Шариатные статьи, 1910, с. 1], то в России с 22 марта 1835 г. действовал

Указ Сената о распространении на мусульман требований о возрасте вступающих в брак (18 лет для мужчин, и 16 лет – для женщин), основанный на императорском указе от 1 марта 1835 г. [ПСЗ-2, №7990] Исследователи отмечают, что большая часть мусульман следовала указанным положениям о брачном возрасте. Например, Н. Н-чь пишет о мусульманах-татарах: «Для вступления в брак требуется, чтобы жениху было не менее 18, а невесте – 16 лет; правило это соблюдается у татар очень строго и нарушение его у них считается грехом; точно также строго запрещается алкораном прибавлять лета жениху или невесте» [Н-чь, 1869, с. 22].

По шариату обязательное присутствие священнослужителя при совершении брака не требуется. Необходимым условием является лишь наличие свидетелей – валиев [Шариатные статьи, 1910, с. 2]. Но пункт 2 Правил ОМДС о браке закреплял, что только приходские имамы могли совершать брак. Хотя п.1 Правил упоминал о «частном порядке» венчания, на практике, например, в деле Б. Ваисова, самостоятельно совершившим брак с двумя женами, ОМДС пришло к выводу о недопустимости самовольного исполнения кем-либо обязанностей духовного лица [НА РТ, ф. 2, оп. 3, д. 413].

По шариату, каждый мусульманин, вступая в брак, обязан выделить невесте определенную часть своего имущества («махр») [Шариатные статьи, 1910, с. 7, 8]. Махр, как собственность жены, не входит ни в наследственную, ни в конкурсную массу [Баязитов, 2005, с. 128]. У татар понятие «махр» часто заменялось понятием «калым» (выкуп за невесту) [Валеев, 1993, с. 160]. Согласно Правилам ОМДС о браке, вали невесты не должны были брать в счет калыма вещи (имущество) в свою пользу под предлогом

затрат на воспитание невесты. В числе таких вещей упоминались лошадь, продовольствие, иные предметы. Все мусульмане, лично или через валиев, при бракосочетании должны были в присутствии имама назначить калым и указать в метрической книге суммы первой и второй половин калыма («магаджал» и «моаджал»). При этом предписывалось поступать соответственно положению и средствам, а супруге запрещалось «отказываться от супружеской жизни и заводить спор» с целью получения второй половины калыма [Сборник циркуляров, 2004, с. 16]. Окончательная уплата второй половины калыма следовала лишь в случае развода по талаку либо смерти супруга.

Уклонение от уплаты части калыма после вступления в брак было довольно распространенным. При обнаружении фактов невыплаты калыма ОМДС предписывало взыскать калым, отправляя копии постановлений в суды и органы полиции, так как имущественные споры, бывшие следствием нарушения обязательств, связанных с калымом, являлись сферой деятельности не духовных собраний, а гражданских судов. Именно суды применяли меры принуждения к должникам. 27 декабря 1874 г. Больше-Кляринский волостной суд Тетюшского уезда Казанской губернии рассматривал дело Бикеевой А., в который последняя обратилась с заявлением о том, что при выходе ее замуж, отец мужа обещал дать ее отцу калым в размере 12 рублей деньгами и 49 рублей разным имуществом. Но вместо этого дал 23 рубля. После смерти ее отца, ее брат этих денег не выдал. Свидетель подтвердил, что отец просительницы от отца ее мужа получил 23 рубля. Суд постановил: в виду доказанности иска, с брата просительницы взыскать в ее пользу только 13 рублей, а 10 рублей оставить в его пользу

за «сыновнее попечение и почтение к родителям» [Соловьев, 1888, с. 33].

Другим важным элементом бракосочетания для татар было приданое, хотя оно не является обязательным при заключении брака по шариату. Приданое невесты формировалось из средств, переданных женихом в счет калыма, и средств, собранных родителями девушки [Наиболее важные статистические сведения, 1912, с. 28, 29]. Тесную связь между калымом и приданым невесты отмечал Е.Т. Соловьев: «У татар-магометан Казанской губернии и всех тех местностей, которые они населяют... приданое невесты чаще всего готовится на калым. Он служит обеспечением женщины в том случае, когда муж прогонит ее от себя незаконно, и потому она весь накет получает в свою собственность» [Соловьев, 1888, с. 32]. Н. Н-чъ, впрочем, писал, что «строгого разграничения между имуществом мужа и жены едва-ли можно встретить, в особенности если супруги живут согласно». Как правило, доходы с разных хозяйственных произведений (молочные скопы, пряжа) поступали у мусульман в общую собственность мужа и жены [Н-чъ, 1869, с. 25].

Важным условием брака по шариату является его добровольность [Ван ден Берг, 2005, с. 135, 137]. В Правилах ОмДС о браке 1841 г. специально упоминаются обязательность согласия невесты и необходимость заключения брака с равным по общественному положению и за калым, соразмерный с состоянием невесты. В случае, если брак совершен против желания и с неравным, то невеста (или вдова) могла требовать о признании брака не имеющим юридической силы [Сборник циркуляров, 2004, с. 16]. Фетва муфтия А. Сулейманова от 17 октября 1851 г. подтверждала право невесты на публичное выражение своего согласия или несогласия при

заключении брака [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 2, д. 40]. Мнения исследователей по вопросу добровольности брака среди мусульман дореволюционной России разнятся. Например, Е.Т. Соловьев отмечает: «У татар-магометан... замуж девиц выдают нередко за таких мужчин, которых они вовсе не знают и никогда не видали, лишь бы, по практическим расчетам родителей, такие женихи представляли собой для дочерей выгодную партию. При таком условии нередко случаи того, что невеста смотрит на жениха с ненавистью, но родители... на это никакого внимания не обращают и тем часто создают несчастные браки» [Соловьев, 1888, с. 24]. Напротив, Н. Н-чъ считал, что «у татар обыкновенно не встречается, чтобы родители принуждали молодых людей к вступлению в брак, но общество иногда прибегает к этому средству, если молодые были замечены в любовной между собою связи» [Н-чъ, 1869, с. 22]. Полагаем, что вышеуказанные точки зрения отчасти верны и отражают реальные факты. Патриархальные традиции, осуждавшие неподчинение детей родительской воле, порождали возможность браков против воли невесты.

Следует отметить браки посредством ухода невесты к жениху без ведома родителей. У поволжских татар он имел древние корни. По свидетельству арабского писателя X в. Ибн-Даста, он практиковался еще у бургасов [Известия о Хазарах, 1869, с. 21]. Г.Н. Ахмаров полагал, что большинство браков татар в начале XX в. совершалось по этому способу [Ахмаров, 1907, с. 9, 10].

«Уложение о наказаниях» предусматривало наказание при похищении незамужних и замужних женщин, насильном склонении к браку, в том числе и для родителей [Уложение о наказаниях, 1857, ст.ст. 1549, 1550, 1580, 1586]. Однако от насильственного по-

хищения невесты следует отличать «похищение невесты», бывшее частью брачного обряда. Этот обычай у тюркских народов имел место до принятия ислама. Данные действия относились к особенностям обрядов местных народов, совершались по обоюдному согласию сторон и не нарушали принципы шариата и российского законодательства.

Шариат позволяет вступление в брак без предварительного согласия жениха и невесты, но с обязательным последующим изъявлением согласия брачующихся (брак «фзули») [Маргинани, 2008, с. 142, 143]. Например, Я.Д. Коблов упоминает о заключении браков у татар, которые производились в отсутствие жениха [Коблов, 1908, с. 23]. При заключении брака в отсутствие жениха применялись правила, установленные шариатом. Например, у татар-мусульман в таких случаях жених, узнавший о заключении брака, должен был сказать, что согласен, иначе брак считался незаконным. Если же жених слышал от кого-то, что относительно его заключают брачный договор и не сказал ничего по этому поводу, то брак не признавался законным [Эфендиев, 1911, с. 31].

Прелюбодеяние запрещается шариатом и относится к числу уголовных преступлений и карается телесными наказаниями [Ван ден Берг, 2005, с. 175, 176]. Хотя российское уголовное законодательство предусматривало такой состав преступления как прелюбодеяние, власти выступили против применения наказаний по шариату в отношении мусульман. 14 июля 1832 г. Сенат, рассмотрев случаи применения духовными учреждениями телесных наказаний, принял решение запретить подобную практику [ПСЗ-2, № 5500]. Сенат постановил, что российский суд по исследованию обстоятельств дела и учитывая мнение духовенства, определяет ви-

новным исправительное наказание в зависимости от их «звания» – задержание при полиции без работы, задержание в смиренном доме или в тюрьме с работами от одного до четырех месяцев [ПСЗ-2, № 5500].

Шариат не позволяет вступать в брак с лицами, состоящими в определенной степени родства [Казембек, 1845, с. LXX-LXXII]. Г.Н. Ахмаров пишет о татарах: «Нет случаев добровольного выхода девушки за более или менее близкого родственника. Не бывает также и случаев похищения из своей родни. Таковые браки совершаются исключительно по воле родителей сторон» [Ахмаров, 1907, с. 14]. При выявлении подобных браков духовные учреждения признавали их незаконными [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 6281, л. 1, 2].

Шариат позволяет мужчине иметь до четырех жен [Эфендиев, 1911, с. 36, 37]. Ст. 90 «Свода законов гражданских», являвшаяся «отсылочной», допускала применение данной нормы. Однако многоженство не получило повсеместного распространения среди мусульман России. К. Фукс отмечал, что очень немногие из татар-мусульман в Казанской губернии имеют более одной жены [Фукс, 1844, с. 3]. Д.И. Мейер свидетельствует: «... Фактически оно не так распространено, как допускает его закон религии. В Казани, например, магометанское общество состоит из нескольких тысяч, но только немногие магометане имеют по две и по три жены, а большую часть живут с одной женою» [Русское гражданское право, 1864, с. 686]. Как правило, многоженство практиковалось среди состоятельных слоев мусульманского общества (духовенства, богатых горожан, отставных военных и др.) [НА РТ, ф. 12, оп. 19, д. 8; ф. 51, оп. 5, д. 929].

Шариат не придает браку особый церемониальный характер, сводя

процедуру заключения брака к гражданско-правовому договору [Машанов, 1876, с. 63]. Поэтому в постановлении ОМДС от 30 сентября 1886 г. категорически запрещалось исполнение музыки и танцев на свадьбах [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 8, д. 554, л.1]. Как отмечает Д.Д. Азаматов, исламу и его институтам не удалось полностью вытеснить традиционные свадебные обряды у татар, башкир и казахов [Азаматов, 1999, с. 135]. Но, тем не менее, запрет на употребление спиртных напитков оказывал определенное влияние. Г.Н.Ахмаров пишет о татарской свадьбе: «Спиртных напитков не бывает; если гости имеют особенную склонность к ним, то их угощают после ухода муллы и прочих гостей, особенно вечером» [Ахмаров, 1907, с. 21].

Разводы у мусульман России совершались согласно правилам шариата. По оценкам исследователей, среди мусульман больше всего практиковались хлюг (покупка женой расторжения брака) и лиан (взаимное проклятие) [Азаматов, 1999, с. 135, 136]. В округе ОМДС, при желании супругов развестись хлюгом, имамы совершали развод по вручении женой выкупа и представлении каждой стороне своего имущества. Причем как разводящиеся, так и свидетели подписывали в метрике статью данного развода. Затем разведенной выдавалась копия с разводной статьи (п. 11 Правил ОМДС о браке). Например, татарин А. Ахтямов в 1846 г. развелся с женой Г. Габейдуллиной, взяв предварительно от нее имущества стоимостью 5 рублей и денег в сумме 21 рубль, после чего «сделал ей от себя талак и брак с нею расторг» [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 2433, л. 2, 3, 7]. Разводы талаком (посредством трехкратного произнесения слов развода), несмотря на невыгодность в материальном плане для мужа, тем не менее практиковались среди мусульман России [НА РТ, ф. 51,

оп. 5, д. 347, л. 22].

При совершении разводов были и злоупотребления со стороны местного духовенства. Вследствие выгоды развода хлюгом, мужа старались при помощи регистрировавших развод духовных лиц внести соответствующие изменения в документ. Например, 18 марта 1873 г. татарка Б. Невмятуллина из д. Ендовиц Сергачского уезда Нижегородской губернии обратилась в ОМДС с жалобой. Ее муж, З. Мавлетбердин развел ее талаком. Имам, родной брат мужа, Х. Мавлетбердин, написал в метрику вместо слова «талак» слово «хлюг», избежав таким образом уплаты жене брата 143 руб. калыма [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 8359, л. 1-4].

По шариату ограничений в числе повторных браков нет. Повторные браки были привычным явлением и в жизни татарских семей. [НА РТ, ф. 51, оп. 5, д. 347, л. 22; ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 451, л. 1, 1 об.].

Российское законодательство содержало нормы, регулировавшие отношения между супругами и распространявшиеся на все вероисповедания. Муж был обязан любить свою жену, жить с ней в согласии, доставлять жене пропитание и содержание [Свод законов гражданских, 1900, ст. 106]. Жена обязывалась повиноваться мужу, любить и почитать его [Свод законов гражданских, 1900, ст.ст. 107, 108]. Отношения в мусульманской семье прямо не регламентировались. Однако в целом данные нормы соответствовали шариату. По шариату главой семьи является мужчина [Баязитов, 1990, с. 10, 11]. Исследователи приводят следующее свидетельство о татарах Казанской губ.: «Во главе семейства стоит всегда отец, имеющий в нем неограниченную власть; ему принадлежит право заведывания и распоряжения имуществом, которым он управляет по своему произволу; он же получает и

все заработки от членов семьи, наблюдает за образом их жизни и нравственностью и имеет право суда и расправы над провинившимися. По смерти отца, главенство, по установившемуся обычаю, переходит к старшему в роде, т.е. к брату умершего, или его сыну, а за неимением их к матери...» [Н-чь, 1869, с. 26]. Жена и дети обязаны повиноваться, соответственно, мужу и отцу. Если жена не послушна (нашизат), то муж должен сперва увещевать ее, если не поможет – вправе запереть и лишить своих ласк и содержания, в случае нужды подвергнуть ее побоям, не причиняя телу ран и увечий [Ван ден Берг, 2005, с. 140, 141]. Но последняя норма шариата не только не была отражена в российских законах, наоборот, за нанесение жене увечий, ран, тяжких побоев или иных истязаний, муж подвергался уголовному наказанию [Уложение о наказаниях, 1857, ст. 1477-1496]. Причем такому же наказанию подвергалась и жена, совершившая подобное деяние в отношении мужа [Уложение о наказаниях, 1857, ст. 1583].

Вследствие того, что обязанность следовать нормам шариата во многих случаях не подкреплялась угрозой государственного принуждения и наказания, иногда имели место случаи неповиновения жен и детей главе семьи. Например, 26 февраля 1853 г. житель д. Искебаш Мамадышского уезда Казанской губернии И. Зайфуллин жаловался в ОМДС на неповиновение ему жены Х. Габдрахмановой и сыновей Ахмета и Мухаметдина. Последние присвоили себе приобретенное им имение и не желали жить с ним совместно. ОМДС, предписало произвести разбирательство по мусульманским правилам и склонить стороны к примирению. Причем ОМДС постановило, что дело, как относящееся к захвату имущества, к нему не относится и направило материалы в Мамадышский уездный суд [ЦГИА РБ, ф. И-295,

оп. 3, д. 3311, л. 1-4].

Нормы воспитания детей, например, в семьях у казанских татар, находились в соответствии с нормами официальной мусульманской морали, устанавливавшейся посредством шариата [Загидуллин, 1966, с. 16]. ОМДС в своих наставлениях указывало мусульманам о необходимости родителей и опекунов следовать законам шариата в воспитании детей. Так, муфтий М. Султанов 6 сентября 1897 г. предписывал: «Правилами шариата вменяется в безусловную обязанность отцам и дедам... родителям и опекунам, обучать опекаемых ими детей догматам, правилам и обрядам веры, благонравию и пристойности» [Сборник циркуляров, 2004, с. 100]. Г. Бадамшин, автор брошюры «Мусульманство, или ответ тем, кто нападает на мусульманство», также признавал необходимым родителям знакомить своих детей с вопросами веры с 7-8 летнего возраста [НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 773, л. 205]. Г. Баязитов считал главной обязанностью отца обучение детей правилам религии и получение духовно-нравственного образования [Баязитов, 2005, с. 134]. Иногда уклонение священнослужителей от обучения молодого поколения нормам шариата становилось предметом разбирательства в духовных учреждениях. Например, из Казанского земского суда в 1833 г. в ОМДС был перенаправлен рапорт жителей деревни Верхние Ядычери Казанского уезда на муллу Л. Фаткуллина. Среди обвинений было упомянуто и то, что указанный мулла «детей наших магометанскому закону не учит» [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 910, л. 1, 12, 49].

Семейные споры, часто возникавшие по недовольству супругов, мусульманское духовенство старалось разрешать мирно, стремясь сохранить семью. При поступлении таких прошений ОМДС предписывало

произвести между сторонами при избранных ими самими медиаторами правильное разбирательство, стараясь «увещеваниями кончить это миром». В случае невозможности мирного исхода, приказывалось постановить решение по шариату, объявить его под расписку тяжущимся через местное уездное полицейское управление, предоставив сторонам право обжалования в ОМДС [ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 3, д. 6536, л.1-2 об.].

При рождении ребенка приходское духовенство совершало регистрацию новорожденного. Особой процедурой было наречение имени. У татар Казанской губ. в этот день приглашался мулла, ребенка клали лицом к Мекке, мулла согласовывал с родителями имя, читал молитву и вносил имя ребенка в метрическую книгу, причем с момента рождения ребенка до дня наречения имени проходило несколько дней (до выздоровления матери после родов), хотя шариат предписывает делать это сразу же после рождения. В честь рождения ребенка в некоторых местностях приносили в жертву барана (два – за мальчика и одного – за девочку). Обязательным для мальчиков-мусульман было совершение обрезания [Коблов, 1908, С. 5-7, 8, 9].

Нормы шариата применялись для урегулирования отношений опеки среди мусульман. Однако их применение носило ограниченный характер и зависело от региона. Например, в г. Казани, первоначально при Татарской ратуше, функционировал Казанский татарский сиротский суд, который разбирал дела об опекунстве среди татар-мусульман. Несмотря на то, что сиротские суды не применяли нормы шариата самостоятельно, они, тем не менее, играли важную роль. Сиротский суд, при наличии лиц, нуждающихся в установлении над ними и их имуществом опеки, не только учреждал опекунское управ-

ление, но и описывал имущество. Так, 25 мая 1860 г., Казанский татарский сиротский суд постановил учредить опекунское управление над имением и малолетними детьми умершего казанского купца 1 гильдии А. Юнусова. Опекуном был определен п.п.гр. Х. Апанаев. 17 мая 1860 г. была составлена опись движимого и недвижимого имущества, оставшегося после смерти А. Юнусова [НА РТ, ф. 12, оп. 160, д. 21, л. 1, 2].

Важное значение в семейно-бытовых отношениях имеет раздел наследственного имущества после умерших членов семьи. У татар-мусульман наследственные отношения регулировались нормами шариата. 4 декабря 1802 г. решением императора Александра I мусульманам было позволено руководствоваться нормами шариата о наследстве. 23 февраля 1805 г. Сенат подтвердил это право [ПСЗ-1, № 21634].

В законодательстве первоначально не упоминалось о долях иных лицах (детях, братьях и др.), наследующих после мусульман. Лишь в 1826 г. было законодательно разрешено допускать «раздел имений, оставшихся после магометан, по их закону» [ПСЗ-2, № 386].

Раздел наследства по шариату осуществляли 1) духовенство, выполнявшее роль третейского суда и осуществлявшее предварительный раздел, и 2) гражданские суды, выносившие окончательное решение. Примечательно, что гражданские суды старались следовать нормам шариата о размере долей и порядке наследования. Например, имущество, оставшееся после смерти крестьянки Б. Тагировой, было поделено, как следует из материалов дела, рассматривавшегося Казанским окружным судом 13 мая – 13 сентября 1894 г., между наследниками следующим образом: сыновья Шагивалей, Мухаметгалей и Мухаметгарей по ша-

риату получили каждый по 160/560 частей, дочь Биби Асьма – 80/560. После смерти Шагивалея наследственные доли изменились и из принадлежащих ему 160/560 братья Мухаметгалей и Мухаметгарей получили по 48/560 и сестра Биби Асьма 24/560 [НА РТ, ф. 51, оп. 5, д. 1033, л. 21-22].

Пошлины, уплачивавшиеся наследниками при получении наследства, рассчитывались в зависимости от шариатных долей [НА РТ, ф. 51, оп. 5, д. 2875, л. 3, 3 об.].

Шариат запрещает немусульманам (т.н. «кафирам» – неверным) наследовать после мусульман и наоборот [Мухин, 1898, с. 31, 32]. Возможность наследования новокрещеными наследниками имущества мусульман имперским законодательством разрешалось лишь в Таврической губернии [Зак. гражд., 1900, ст. 1340].

Мусульмане, в случае недовольства разделом наследства, обращались в суды с исками, отстаивая свое право на определенную шариатом долю. Например, 18 мая 1904 г. Х. Манасыпов подал в Казанский окружной суд иск к крестьянке Б. Манасыповой, требуя признать за ним шариатное право на 14/24 частей в наследстве Ф. Манасыпова, за исключением доли его сестры Б. Кадыровой и долей двух жен наследодателя, Биби Хайринисы и Биби Сакины. Суд удовлетворил иск частично. Истец подал апелляционную жалобу в Казанскую судебную палату. Решение окружного суда было изменено и имущество по шариату следовало разделить следующим образом: двум вдовам наследодателя – совокупно 1/8 часть (или 3/24 частей), одной дочери 7/24 частей и сыну (истцу) вдвое против дочери, т.е. 14/24 частей, а так как было установлено, что после отречения от наследства Биби Фатихи имущество делится на 25 долей, то истцу причитается 14/25, дочери наследодателя – 7/25 и двум вдовам –

4/25 частей [НА РТ, ф. 51, оп. 5, д. 3147].

Воля наследодателя у татар-мусульман в некоторых случаях имела преимущество перед нормами шариата. Например, 19 ноября 1818 г. Казанская палата гражданского суда приняла к засвидетельствованию завещание умершего в том же году жителя г. Казани Я. Абдрахимова, который завещал дом со строением на Мещанской улице и «жалованные прадеду... землю и сенные покосы Лаишевского уезда в д. Кабанах» жене З. Абсалямовой и рожденным от нее дочерям Магизямале, Мавлюже и Биби. Но завещатель лишил своих сыновей Бикбова и Менглибая, рожденных от разведенной с ним жены, имущества «за непочтение» [НА РТ, ф. 12, оп. 17, д. 65, л. 13]. Между тем, по шариату лишение наследства допускается только в двух случаях: 1) убийства наследником наследодателя, 2) вероотступничества и 3) проклятия мужем жены (лиан) [Мухин, 1898, с. 35].

Духовные завещания имели достаточно широкое распространение у татар. Часто завещания содержали подробный перечень действий, которые следовало совершить после смерти наследодателя. Так, купчиха 2 гильдии из г. Казани Б. Чикреева перед смертью составила 27 мая 1877 г. завещание, в котором просила 1) похоронить ее согласно правилам шариата, раздать муллам за чтение молитв по 600 руб., оплатить труд несших тело и копавших могилу; 2) за неппрочтенный ею намаз раздать фидию 500 руб. серебром; 3) в течение 3-х дней подавать замогильную милостыню животными из ее скота; 4) в трех деревнях выстроить с позволения властей мечети, мосты и вырыть колодцы; 5) послать в хадж за нее «человека добродушного», с выдачей ему на расходы 1000 руб. серебром; 6) послать такого же человека в хадж за ее мать Х. Чикрееву, которая завещала это дочери

и оставила 1000 руб. серебром; 6) употребить на вышеуказанные цели ее имущество и 3000 руб., которые будут получены от дяди М. Азметова, признавшего свой долг по шариату при муллах и муфтии ОМДС; 7) выплатить ее долги, в том числе неизвестные ей. В случае отсутствия наличных денег для уплаты долгов и покрытия иных расходов, предписывалось продать часть имущества. Контроль за выполнением завещания сроком на 20 лет был возложен на имама Новотатарской слободы Х. Амерханова. Наследником имущества и душеприказчиком остался муж Б. Чикреевой [НА РТ, ф. 139. оп. 1. д. 146, л. 26-28 об.].

Таким образом, семейно-бытовая жизнь татар в Российской империи в основном регламентировалась нормами шариата. Достаточно широко применялись нормы, регулировавшие семейные и наследственные отношения мусульман, причем разрешение дел осуществлялось не только на уровне мусульманской общины и духовенства, но и на уровне государственных органов, в том числе и гражданских судов. Несмотря на первоначальное пренебрежение к данной

проблеме и полулегальное положение шариата в государстве, впоследствии законодатель, столкнувшись с проблемой сосуществования в одном государстве христиан и мусульман, сделал выбор в пользу сочетания норм российского права и отдельных норм шариата. Данный шаг был оправдан с точки зрения предотвращения волнений среди мусульман, так как полная ликвидация сложившихся устоев (к которым, несомненно, можно отнести применение норм шариата в повседневной жизни) могла привести к дестабилизации социальной и политической жизни внутри страны. Признание, пусть и частичное, норм шариата в Российской империи, отвечало интересам как самого государства, поскольку позволяло снизить недовольство в мусульманских регионах, так и интересам самих мусульман, стремившихся сохранить привычный уклад жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азаматов Д.Д. *Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв.* / Д.Д. Азаматов. – Уфа: «Гилем», 1999.
2. Ахмаров Г.Н. *Свадебные обряды казанских татар* / Г.Н. Ахмаров. – Казань, 1907.
3. Баязитов Г. *Ислам и прогресс* / Г. Баязитов. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005.
4. Валеев Ф.Т. *Сибирские татары. Культура и быт* / Ф.Т. Валеев. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993.
5. Ван ден Берг Л.В.С. *Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии* / Л.В.С. Ван ден Берг. – М.: Наталис, 2005.
6. Загидуллин А.А. *Семейный быт татарских крестьян (вторая половина XIX – начало XX вв.)*. Автореферат дисс. ... к. и. н. / А.А. Загидуллин. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1966.
7. *Законы о браке и разводе* / Сост. Я.А. Канторович. – СПб.: Издание Я.А. Канторовича, 1899.
8. *Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Ибн-Дасты*. – СПб: Тип. Ак. наук, 1869.
9. Казем-бек М.А. *Мюхтесерюль-вигкает. Курс мусульманского законовения по школе ханефидов* / М.А. Казем-бек. – Казань: Унив. типография, 1845.
10. Коблов Я.Д. *Религиозные обряды и обычаи татар магометан* / Я.Д. Коблов. – Казань: Типо-лит. Им. ун-та, 1908.
11. Маргинани Б. Хидоя. *Комментарии мусульманского права. Ч. 1* / Б. Маргинани. – М.: Волтерс Клувер, 2008.

12. Мухин В.Ф. Очерк магометанского права наследования / В.Ф. Мухин. – СПб.: Издание редакционной комиссии по составлению гражданского уложения, 1898.
13. Национальный архив Республики Татарстан: ф. 2, оп. 3, д. 413; ф. 12, оп. 17, д. 65; ф. 12, оп. 19, д. 8; ф. 12, оп. 160, д. 21; ф. 51, оп. 5, д. 347, 929, 1033, 2875, 3147; ф. 139, оп. 1, д. 146; ф. 199, оп. 1, д. 773.
14. Н-чъ Н. Народные юридические обычаи у татар Казанской губернии / Н. Н-чъ // Труды Казанского губернского статистического комитета. Вып. 3. – Казань, 1869.
15. Полное собрание законов Российской империи.
16. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1900 г. – Екатеринбург: Типография Исаака Козана, 1905.
17. Русское гражданское право, чтения Д.И. Мейера / Под ред. А. Вицина. – СПб.: Издание Н. Тиблена, 1864.
18. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 1836-1903 г. – Казань: Изд-во «Иман», 2004.
19. Свод законов гражданских. Изд. 1900 г. // СЗРИ. Т.Х. Ч.1.
20. Соловьев Е.Т. Гражданское право. Очерки народного юридического быта. Вып. 1 / Е.Т. Соловьев. – Казань, 1888.
21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1857 г. // СЗРИ. Т. XV.
21. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении / К. Фукс. – Казань: Типография университета, 1844.
22. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан: ф. И-295, оп. 2, д. 40; ф. И-295, оп. 3, д. 451, 910, 2433, 3311, 6281, 6536, 8359; ф. И-295, оп. 8, д. 554.
23. Шариатные статьи о правовых отношениях мусульманского населения Туркестанского края. Ч.1. – Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1910.
24. Эфендиев Р. Мухтасар шариат. Учебник магометанского вероучения суннитского толка. Ч.2 / Р. Эфендиев. – Тифлис: Типография Т-ва «Культура», 1911.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
 ОМДС – Оренбургское Магометанское Духовное Собрание
 ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр.
 ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.
 ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр.
 СЗРИ – Свод законов Российской империи
 ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан